

Возвращение «голубого ангела»

ОТРЫВКИ ИЗ НАШУМЕВШЕЙ КНИГИ

«МОЯ МАТЬ МАРЛЕН»

Вспоминает Мария Рива,
дочь кинозвезды Марлен Дитрих.

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

Марлен Дитрих с мужем Рудольфом Зибром и дочерью Марией.

В БЕРЛИН приехал, как выразилась мама, «очень важный режиссер» из Америки — Джозеф фон Штернберг. Он собирался снять первый немецкий звуковой фильм с популярным актером Эмилем Янингом. Маму пригласили на пробу женской роли. Шел 1929 год.

Дома долго спорили, в чем маме идти на это важное свидание. Поскольку роль предстояла своеобразная — уличной девицы, мать непременно хотела предстать пред светлые очи «важного режиссера» в наряде портовой шлюхи. Отец же настаивал на том, чтобы она оделась, как светская дама.

— Ты с ума сошел! — возмущалась мать. — Эта Лола, или Лулу, или Пуся-Муся, или как там ее еще зовут — просто потаскушка. И ты хочешь, чтобы я ради нее надела свой лучший костюм с белыми манжетами? Смешно!

Но в студии Марлен Дитрих все-таки появилась именно в своем лучшем костюме и белых шелковых перчатках. Через плечо перекинула черную куртку — она придавала ей уверенности в себе. Ее взяли. С репетиций она прилетала как на крыльях и возбужденно рассказывала отцу:

— Знаешь, папуля, этот режиссер просто великолепен. Он такая прелесть. Представь, что он сделал! Сам заколол на мне это ужасное платье, которое притащила костюмерша, — оно было мне велико. И потом он показал им, как справиться с моими ужасными волосами, которые всегда выглядят так, будто их корова прилизала. У-ди-вительный человек!

Марлен по ходу действия должна была петь. Когда делали пробу, выяснилось, что аккомпаниатор не знает мелодии. Мама, по ее словам, пришла в бешенство, и это очень понравилось фон Штернбергу... Вообще говоря, именно ему Марлен Дитрих была обязана тем, что сыграла в «Голубом ангеле». И гонимый на ней выбил хороший — 20 тысяч рейхсмарок. Отец и мамыны друзья ликовали, шампанское лилось рекой. Мать посмотрела на них так, словно они свихнулись:

— Вы что думаете, мне там легко? Как бы не так! Ведь моя героиня — проститутка. Мне потом будет стыдно выйти на улицу. А если фон Штернберг вдруг потребует, чтобы я снималась с обнаженной грудью? Вы об этом подумали? Конечно, нет!

«Очень важный режиссер» стал приходиться к нам обедать. За стол садились только члены семьи: моя мать, ее режиссер, мой отец, Тами (Тамара, друг дома и приятельница отца) и я, впитывавшая все разговоры, словно губка. В те времена мать относилась к фон Штернбергу как к божеству. Когда она вешала в прихожей его пальто, то всегда норовила погладить рукой ткань, будто в ней скрывались волшебные силы. Она готовила только те блюда, которые он любил. Пока Тами убирала со стола, мать как зачарованная слушала фон Штернберга. Говорил он, действительно, отменно — серьезно, горячо, страстно и главным образом о своем фильме.

Чем дольше шла работа над «Голубым ангелом», тем реже бывала дома мама. Мне никогда не разрешали появляться на съемках — мать считала фильм «слишком вульгарным» для своей невинной дочки, но дома разговоры были только об этом. Наступила пора, когда мать часто плакала, а отец обнимал ее и уговаривал — все будет хорошо, все будет хорошо... Однажды она рассказала, что в сцене, когда герой пытается задушить героиню, Янинг действительно ее чуть не задушил. Режиссер заметил это и остановил съемку. Что на него нашло? — недоумевала мама.

— Мамочка, если бы я был Ян-

нингс, я бы тебя точно задушил, не взирая на режиссера, — изрек папа, наливая себе и ей пива.

— Это еще почему? — возмущалась мама.

— Ты отняла у него фильм. «Голубой ангел» — это теперь не фильм знаменитого Эмиля, а фильм Марлен.

В берлинском мире кино стали замечать, что восходит новая «звезда». И тотчас об этом стало известно в Голливуде. На студии «Парамаунт», где работал и фон Штернберг, родилась блестящая идея пригласить на работу немецкую секс-бомбу с красивыми ногами. Возможно, тут дело вовсе не в рекомендациях фон Штернберга, а в соперничестве, развернувшемся между кинокомпаниями: Марлен Дитрих оказалась удивительно похожей на Грету Гарбо, которая имела контракт с конкурентами «Парамаунта». Давление конкуренции способствовало и тому, что из моей матери, обладавшей прекрасным, редким талантом, в конце концов сделали легенду, овеянную тайнами Марлен Дитрих.

...Был вечер 1 апреля 1930 года. Мама обнимала меня и плакала. В своем платье из белого шифона и длинной накидке она была похожа на

королеву. Этим вечером в театре «Глория-паласт» предстояла гала-преьера «Голубого ангела». Сразу после представления мать должна была поездом отправиться в Бремерхафен, а оттуда на пароходе отплыть в Америку. Отец и его друг актер Вилли Форст, оба во фраках с белой манишкой, закричали из коридора:

— Иди скорее, пора!

Я осторожно обняла маму, чтобы не испортить ее наряд.

— Не забывай меня! — прошептала она и исчезла.

Через три часа она прославилась. Премьера стала ошеломляющим триумфом. Зрители в восторге скандировали ее имя (которое мама еще в тринадцатилетнем возрасте сочинила себе, соединив два своих настоящих имени — Мария и Магдалена): «Марлен, Марлен!» С этим мама и уехала...

М АМА была влюбчивым человеком, но свои романы она обставляла так, что ее поклонники никогда не жили у нас в доме. Пока я была ребенком, ни один посторонний мужчина не завтракал за нашим столом, спустившись из спальни. Правда, любители отвешать знаменитую мамину

яичницу-болтуню находились, но эти господа приходили с улицы и звонили в парадную дверь. Привилегией принимать Марлен Дитрих у себя за всю ее жизнь пользовались лишь два человека — Фрэнк Синатра и Жан Габен.

Я никогда не осуждала свою мать за ее влюбчивость, за ее эмоциональную ненасытность, но осуждала за то, как она обращалась с теми людьми, которые ее любили. Иногда ее знакомые быстро исчезали — в том случае, если оказывалось, что их ничего не связывает. Секс как таковой значения для матери не имел. Она говорила, что приходится принимать его как неизбежную нагрузку к более важным отношениям, обузу, которую приходится нести любой женщине. Может быть, поэтому она тепло относилась к мужчинам-импотентам. Она была с ними ласкова и явно получала от их общества удовольствие, что приводило порой к их чудесному исцелению. Но стоило мужчине восстановить «сексуальное равновесие», как мать теряла к нему интерес и бросала его.

В 1933 году Марлен Дитрих снималась в фильме «Песнь песней». Ее просили в одной из сцен обнаженной позировать для скульптора. Сцена бы-

Она увлекалась снова и снова

ФРЭНК СИНАТРА

Дитрих завела роман с Фрэнком Синатрой, видя в нем что-то вроде лекарства от одинокого томления по Юлу Бриннеру, «звезде» американского кино, а позже, продолжая эту связь, подчиняясь некоему суеверию. Романтичный, ласковый, нежный — таким она воспринимала его. И растолковывала мне, что больше всего во «Фрэнки» ее привлекает неисчерпаемая нежность. «Это единственный такой нежный человек из всех, кого я когда-либо встречала. При нем можно так покойно спать. И такой благодарный, причем проявляет это так мило, такой весь домашний». И в последующие годы она также любила его, но уже совсем за другие, менее достойные качества. Когда бы Дитрих ни попадалась на глаза газетные заголовки, возвещавшие, что Синатра в очередной раз разбил фотокамеру — или физиономию — очередного репортера, она приходила в полный восторг: «О! Как я его люблю! Он всех их ненавидит — как и я! И он хочет всех их перебить! Какой изумительный человек! А знаешь, ведь я провела с ним всего лишь одну ночь...» Затем начинались бесконечные декламации на тему одной из ее последних фантазий относительно «лишь одной» ночи (в чем ей удалось убедить себя), которую она провела в объятиях Синатры. Она рассказывала, как, чтобы незаметно скрыться, почти на рассвете покинула его особняк, а потом в одних чулках бродила в зарослях жимолости и в поисках такси, которое благополучно доставило бы ее в отель Беверли-Хиллз. Фактически же их первая романтическая встреча произошла в начале 40-х, и впоследствии «Фрэнки» не раз еще возникает в ее дневниках.

ЭДИТ ПИАФ

Моя мать испытывала немалую гордость, будучи «лучшим другом» Пиаф, как она обычно выражалась на людях. Когда Пиаф вышла замуж, именно Марлен позаботилась о подвенечном платье для «подруги», точь-в-точь, как ее соб-

ственное из шифона, от Диора. Она одела Эдит, повесила ей изящный крестик от Картье и обвила цепочкой ее короткую шейку, а потом, подобно кавалеру, передала Пиаф в другие руки. Впоследствии, когда убили любовника Пиаф, та же Марлен взяла на себя обязанность «амура-утешителя», стремясь поддержать пребывавшего в горе «воробышка».

ДЖОЗЕФ ФОН ШТЕРНБЕРГ

Довольно часто поутру приходил к завтраку в наш сад в Беверли-Хиллз фон Штернберг — в широких белых фланелевых брюках, шелковой рубашке, жокейском кепи. Мать всегда готовила ему свою знаменитую яичницу-болтуню, а трапеза происходила под нашим большим синим с ослепительно белой окантовкой тентом, под которым умещались несколько резных железных кресел и столик со стеклянным покрытием. Все это, включая обилие хрустала и фарфора, сияло, блестело, сверкало, мать красовалась в шелковой кремовой блузе и таких же брюках и в широкой шляпе, ветер шелестел в широких листьях бананов, в бассейне словно поселилось все великолепие голубого безоблачного неба — одним словом, такой вот простенький, но со вкусом голливудский завтрак...

МОРИС ШЕВАЛЬЕ

Мне, в общем, нравился этот новый приятель моей мамы. Он и сам постоянно смеялся, и ее смешил, у него была привычка вечно подмигивать, причем было в ней что-то порочное, и подмигивал он так, словно расставлял знаки препинания. Конечно же, он тоже входил в число почитателей прославленной яичницы. Последнее качество было необходимо и обязательно, чтобы добиться звания одного из интимных воздыхателей Марлен Дитрих.

ДЖОН УЭЙН

Джон Уэйн и Марлен Дитрих в течение трех лет снялись в трех фильмах.

Со временем он так ей надоел и начал вызывать такое раздражение, что мамочка принялась выдумывать о нем всяческие небывлицы, поверяя их кому только ни придется, а в итоге вся эта чушь возвращалась на круги своя, то есть к самой же Дитрих, но уже воспринималась как истинная правда. Среди этих рассказов и полная бесталанность Уэйна, и дилетантство... В общем, чем-то этот «кадр» сумел где-то и когда-то понастоящему досадить моей матушке.

Много лет спустя мы с Уэйном оказались вместе у общих знакомых на обеде, и я решила выяснить, что это за добрый гений, который помог ему уберечься от яростных нападок нашей сирены. В глазах его блеснули искорки смеха, и он пророкотал: «Никогда не любил быть хотя бы частицей стойла — и никогда не был!»

МЕРСЕДЕС ДЕ АКОСТА

Какие только услуги не оказывала моей матери Мерседес — сценаристка и любимая подружка Греты Гарбо! В частности, она писала ей: «Я готова доставить в твою постель кого ты только пожелаешь! И не потому, что мало люблю тебя, а потому, что любовь моя к тебе так безгранична! Моя самая прекрасная!»

Интересно, что бы получилось, если бы мать поймала ее на слове и попросила «доставить» к себе... Грету Гарбо!

ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ

Моя мать часто бывала в отъезде летом 1931 года. Во время одной из нефинируемых поездок в Англию она впервые повстречалась с Джорджем Бернардом Шоу. Я не раз слышала от нее ее версию этого знакомства: «Как сейчас вижу этого удивительного человека... даже тогда выглядевшего стариком, его бороду и лицо, словно прокаленное солнцем. Да, когда ешь только овощи, кожа становится такой странной. Я опустила вперед ним на колени, и свет его глаз буквально озарил меня. Он любил видеть женщин у своих ног. Мы